

2.

«ЖАБА ТЕБЕ В РОТ», «ФИГА В КАРМАНЕ» И ДРУГИЕ СПОСОБЫ ОТВЕТИТЬ НА ПОХВАЛУ*

Инна Веселова, Юлия Мариничева

На семинаре по фольклору на филологическом факультете СПбГУ речь зашла о магических практиках в деревенской культуре. Студентам было предложено привести примеры известных им магических запретов и оберегов. Как выяснилось, опасение сглаза было знакомо всем собравшимся в аудитории, так же как и знание о том, что со сглазом можно бороться. Некоторые студенты признались, что родители не разрешали им хвастаться своими успехами, в том числе и из-за опасения сглаза.

На одном из интернет-сайтов, посвященных столь актуальному для нашей культуры вопросу сглаза, предложен следующий совет:

* Первоначально текст был написан как доклад для конференции «Пространство колдовства» (ИВГИ РГГУ, 2008). См.: *Веселова И.С., Мариничева Ю.Ю.* «Жаба тебе в рот» и «фига в кармане»: фантомы страха в пространстве колдовства // *Пространство колдовства* / Сост. О.Б. Христофорова. М., 2010. С. 156–170.

Как не дать себя сглазить

Бывает, завистницы начинают вас хвалить. Похвала от родного, близкого человека, который говорит от чистого сердца, — это хорошо. А вот такая, неискренняя — это плохой знак. Такая похвала может легко сглазить и отнять ваше счастье. Поэтому, чтобы сглаз не подействовал, надо, когда кто-либо начинает хвалить, прикусить язык и мысленно послать его слова обратно. А еще лучше при этом сказать так: Чур, моя дума, чур, моя плоть, чур, моя дикая, лихая мысль. Во веки веков, Аминь¹.

Из этого сообщения, адресованного, очевидно, лицу женского пола, ясно, что похвала от родного человека с чистым сердцем безопасна. Но не все сердца чисты: кругом врагов, точнее, завистниц, и нужно всегда быть начеку. Выученное наизусть заклинание поможет победить завистницу, а также избавит от ответственности за собственные поступки. Это не я отвечаю за собственную жизнь, а враги: их злые глаза портят идеальное устройство моего мира. Чистота сердца обезвреживает похвалу, но, если помыслы хвалящего не чисты, следует обороняться. Привычка так думать обеспечивает привычку так действовать: современные россияне боятся сглаза и порчи и ищут магические тактики защиты, которые и находят на сайтах и в соответствующей литературе. Объяснительная модель становится основой поведенческих стереотипов. Привычки думать и действовать формируют акту-

¹ Сайт «Сглаза нет: заговоры, заклинания, привороты, отвороты, гадания, магия, приметы». URL: <http://zglaza.net/index.php/2010-11-04-20-40-53/611-2011-04-12-17-40-08.html> Сохранена орфография источника.

² ФА СПбГУ, Dtxt07-156_Arch-Mez_07-07-14

³ ФА СПбГУ, Dtxt07-055_Arch-Mez_07-07-16

альные верования культуры. Представление о сглазе скрепляет российский обыденный мир подобно Деду Морозу, парадам 9 Мая и салату оливье. Это верование известно и российскому городу, и российской деревне.

Особое место в этом полном зависти и скрытого недоброжелательства мире, где орудуют порча и сглаз, принадлежит похвале. Простое и позитивное действие оказывается способным наносить вред — в этом согласны и город, и деревня.

В фольклорных экспедициях на Русский Север мы записываем рассказы о том, как в деревне периодически оприкашивают, в том числе вследствие похвалы. Наш материал по этой теме состоит из рассказов о случаях оприкоса, сглаза, озыка, притки и прочих напастей, лечебных заговоров для уже оприкошенных, а также из разных инструкций, как не допустить оприкос. В Фольклорном архиве СПбГУ на настоящий момент более ста интервью, в которых речь идет о случаях сглаза и магической защиты от него. Данные свидетельствуют о том, что наиболее подверженными действию сглаза (оприкоса) в российской деревне оказываются дети. Значительно реже от него страдают, по текстам интервью, взрослые, «любой, всякий», в отдельных случаях — скот, роженицы, невесты.

Для начала представим некий общий шаблон практики оприкоса.

Сфокусируем внимание на участниках магической акции и их целях, как декларированных, так и достигнутых на практике, и постараемся разобратся, какая социальная реальность создается рассказами о магической агрессии.

Судя по рассказам, на детей в деревне вредоносно воздействуют двумя основными способами:

1. Их можно сглазить, или оприкосить:

Оприкосы — это сглаз... Оприкосит кто-нибудь ребёнка, предположим...²

2. Их можно испугать:

Ну, я не знаю, какие-нибудь болезни, тот же испуг.

<А испуг что такое?>

Ну, вот кто-то напугал...

<Как выражается? Кричит он?>

Да, не спит³.

Последствия испугов и оприкосов выражаются в том, что ребенок становится беспокойным, его поведение меняется:

Так обычно сидит всё время, <А тут> она куда-то всё ползёт и ползёт, ползёт, ползёт. Я её повалю, она опять это... в темноте опять ползёт. Думаю — что такое?⁴

<А испуг как (проявляется)? Он боится, идёт корова — убегает?> Орёт! Вот именно что⁵.

В интервью речь об оприкосах всегда ведется в неопределенно-личной форме — оприкосит, сглазят, без указания на инициатора негативного действия. Сходным образом наши рассказчики говорят и о тех, кто водит в лесу (то есть неких силах, которые вредят оказавшимся в лесу): пугает, чудит, блазнит. К неопределенно-личной и безличной форме изложения прибегают обычно, когда описывают действия мифологических сил — баянников, лесных и водяных. Но в случае с оприкосом «неопределенно-личный» на уровне речи агрессор оказывается всегда из рода людей: от его слов или взглядов случаются непорядки. На вопрос, кто же может сглазить, наши собеседники обычно отвечают неопределенно: да кто угодно.

⁴ ФА СПбГУ, Dtxt07-055_Arch-Mez_07-07-16

⁵ ФА СПбГУ, Dtxt07-033_Arch-Mez_07-07-14

⁶ Там же

⁷ Там же

⁸ ФА СПбГУ, Dtxt07-043_Arch-Mez_07-07-26

⁹ ФА СПбГУ, Dtxt07-055_Arch-Mez_07-07-16

<А вот так вот просто могу я сглазить, хотя вот...>

Можешь, да, можешь.

<Могу, да?>

Да любой человек может, понимашь⁶.

С одной стороны, получается, что в деревне нет какого-то особого человека или группы людей, которые бы «специализировались» на оприкосе. С другой стороны, при переходе на конкретные случаи наши собеседники уточняли, что оприкосить может, например, человек с «темным взглядом»:

Вот даже человек, допустим, вообще не знающий, понимаешь. Вот если ты, у человека глаза — ум в глазах, понимаешь, он просто выдумывает, там сила какая-то есть вот, понимаешь, он даже вообще ничем не владеет. Вот, например, у тебя — у тебя взгляд тоже тёмный такой, острый, вишь, такой жгучий, тёмный такой⁷.

Иногда в рассказах об оприкосе упоминались конкретные люди, но при этом не говорилось, что эти люди намеревались оприкосить ребенка. В сглазе-оприкосе нет осознанного намерения. Нечаянные агрессоры просто «приходили», «заходили», иногда «проходили мимо».

У меня вот Любашка была маленькая, первая-то. Мария Ивановна придёт (у нас в бане мылась ходила)... Придёт: «Ой!», да чего. Всё, она ушла домой, а у меня девка ночь будет реветь. Так спокойнёхонька — не слышим, не видим даже! Тоже положим, она спит, да и всё. А тут всю ночь будет реветь⁸.

А я вообще прикос не видела до тех пор, пока Алёнка маленькая не была... Так вот Анька пришла, с ней поиграла, поиграла, она потом всю ночь ползала⁹.

Можно выделить следующие типы потенциальных исполнителей оприкоса. Во-первых, это нечаянно проходящие мимо или заходящие «кто угодно», а также те из них, кто «с темным взглядом», «жгучим умом». Перечень носителей потенциальной магической агрессии представлен в заговорных текстах. Заговоры должны защитить от троеженого, от двоезубого, от девки простоволоски, от бабы самокрутки, от вдовца и вдовицы, от черного и от белого, от чернеца и от черницы и так далее. То есть нужно защищаться от любого человека, встретившегося или зашедшего в дом.

¹⁰ Со временем мы узнали, что английские булавки — самый ходовой товар в сельпо и районном универмаге. Никто из продавцов не сомневается, для чего покупают булавки, и дают советы по оптимальному их применению. Булавки в заметных и незаметных местах одежды — неперменный атрибут любой женщины в тех местах. Однажды руководитель одного из местных замечательных хоров держала при деловой беседе булавку во рту, причем не английскую, а самую что ни на есть опасную, длиной сантиметра в четыре. У меня мурашки по телу бегали, а она и бровью не вела на мое удивление. Смущала меня и опасная булавка во рту, и то, что от меня так активно защищаются. Мне давали понять, неосознанно, что я представляю угрозу. (И. В.)

21 Ножницы и игольницы в северных деревенских домах хранятся на гвоздиках у окон. С одной стороны, так удобно — близко к свету. С другой — они выполняют роль оберега, защиты от всяческой напасти. Окно в частном музее Иды Афанасьевны Максимовой. Фото И. Веселовой. Июль 2008 г. Деревня Азаполье Мезенского района Архангельской области

Немного полевого опыта в качестве иллюстрации. Жители Русского Севера, как известно, в основном светлоглазые, так что кареглазым участникам экспедиции — «с темным взглядом» — приходится несладко. Однажды одному из авторов этой статьи пришлось вести интервью со старушкой в далекой деревне Кильца, разговор шел через порог дома. Пускать нас дальше она категорически отказывалась, что само по себе настораживало, да и комаров по нашу сторону порога было нестерпимо много. Одета старушка была в кофту наизнанку, сплошь усеянную булавками¹⁰. При этом вела она беседу с кареглазой собирательницей, поскольку в паре собирателей та была старше, но смотрела только на младшую, сероглазую. Надо сказать, что такая форма беседы производит на потенциального вредителя неприятное впечатление. В другой группе кареглазость студентки стала поводом для прямого обсуждения ее вредности:

<К. и Н. навещают Иванова.
В отсутствие К. Иванов сообщил Н., что у К. недобрые глаза и поэтому после ее ухода он не может найти многих вещей.>
Но, правда, полвечера искал коробочку ту после тебя.
<Да ладно. Какую коробочку?>
Вот от этой крышечки.
<Ага-ага, от слухового это аппарата?>
Вот эта.
<Так я ж на неё даже не глядела!>
Вот оно на столе так стоит, зеркало, эта тут херня стояла. Больше-то ничего не было. Вот на столе,

знаю, что на столе, — нету и всё, не вижу её и всё.

<А я ж не хотела, чтоб она терялась, и не смотрела на неё...>

Я вот думаю, плюнул, заматюкался (мат, по здешним представлениям, лучший способ справиться с потусторонними напастями. — Ю. М.), что ли, на херню эту, там смотрел вроде, там, куда положил, да нет вроде, не знаю. Блин, за-раза, вот она лежит¹¹.

Второй тип потенциальных исполнителей оприкоса — родственники ребенка: отец, дед, мать, бабушка. Причем мать, по словам наших собеседников, едва ли не самый главный источник возможной агрессии.

<А мать может сглазить?>

Больше всего ещё мать может. И мать, и отец¹².

Даже мать родная может, например, оприкосить¹³.

Мне раньше мама всё говорила, пойдёшь ребёнка, ведь иногда и скажешь, ребёнок: «Ой ты, хорошенькой какой, какой ты у меня любой и всё». Да. Всё раньше мама мне говорила, скажет, ребёнка сама можешь оприкосить¹⁴.

Сглазить — это сглазить. У меня дедко-то вот, отец, муж-то, детей любил — дак я не знаю! Всех ма-

¹¹ ФА СПбГУ, DTxt07-149_Arch-Mez_07-07-24

¹² ФА СПбГУ, DTxt07-043_Arch-Mez_07-07-26

¹³ ФА СПбГУ, DTxt 20-25_Arch-Mez_07-07-14

¹⁴ ФА СПбГУ, DTxt07-164_Arch-Mez_07-07-23

¹⁵ Там же

¹⁶ ФА СПбГУ, DTxt07-156_Arch-Mez_07-07-14

¹⁷ ФА СПбГУ, DTxt07-055_Arch-Mez_07-07-16

леньких облизал. Посмотрит малыша, уйдет — всё, они уже плачут. Уже плачут.

<А хотя он их любил так. Да?>

Любил. Да¹⁵.

Мы, воспитанные в городской культуре, где сглазом балуются завистники, а похвала родных и близких всегда желанна, при обнаружении такой близкой опасности недоумевали. В городской культуре родственники имеют своего рода алиби: они по определению не могут завидовать и наносить порчу, так как не могут желать зла. Сердце матери, а также бабушки, дедушки и прочих близких родственников априори чисто для ребенка. Как же устроено деревенское мировоззрение, если вред может нанести чистый сердцем?

Для того чтобы в этом разобраться, рассмотрим ситуации «магической агрессии» подробнее. Можно выделить две формы оприкоса — невербальную и вербальную. Невербальные формы характеризуются ментальной активностью агрессора — «одумать» или его визуальной активностью — «посмотреть». Причем «посмотреть» во многих случаях равняется «подумать»:

Да-да. Подумает он, посмотрит — «вот, какая!»¹⁶.

Обычно когда на народ маленького ребёнка выводят вот что в людное место куда-нибудь, чтоб как... не одумали, ничего не сказали¹⁷.

Оприкос вызывается особым взглядом-думой, смысл такой «думы» — восхищение. «Вот какая!»: какая хорошая, красивая, здоровая и т. д. Но может действовать и сам взгляд, без особой «думы», если он «темный» или недобрый. На потенциальную вредоносность человека указывают или невербально (булавками, костюмом — вывернутой наизнанку кофтой, выбором места беседы — беседой на пороге, избеганием взгляда), или вербально — прямым обвинением в нанесенном или возможном вреде.

Не то что специально, что я тебя оговорю. И другие, если встретил, не думаешь ничего, а встретишь на улице или где ли, может быть, в дверях или чего ли, и вот может тоже — «какая встреча», если кого не знаешь,

«какая встреча», а потом: «Ой, девка, я с тобой встретила — так мне худо было дак»¹⁸.

Вербальная форма оприкоса выражается речевым действием «хвалить»:

Даже некоторые вслух говорят, понимаешь, «Ой, какой у тебя ребёночек красивенький какой» — любимся, как вот вечно говорим мы — «весь там в папушку ли, в мамушку сынок». Ну и потом ушли, туда-сюда, и вот ребёнок на следующие две ночи плачет и плачет, и ничем его не успокоишь тут — ни титьку, ни соски, ничё. Ну и сама поймёшь, почему орет¹⁹.

<Получается, что ребёнка вообще нельзя хвалить, потому что кто угодно может его сглазить?>

Получается, что так.

<Ну а как так? То есть можно сказать ребёнку: «Какой ты хорошенький» — и можно сглазить?>

И можно сглазить²⁰.

По словам одной из наших собеседниц, «хорошие» слова «оборачиваются»:

Вроде человек приходил — вроде всё по-хорошему... Эти добрые слова все оборачиваются, видишь. Раньше в старое время вообще детей не показывали. Там, до опре-

¹⁸ ФА СПбГУ, DТхт20а-74_Vol-Vash_98-07-09

¹⁹ ФА СПбГУ, DТхт07-156_Arch-Mez_07-07-14

²⁰ ФА СПбГУ, DТхт20-29_Arch-Mez_07-07-26

²¹ ФА СПбГУ, DТхт07-156_Arch-Mez_07-07-14

²² ФА СПбГУ, DТхт20-170_Vol-BeI_02-05-03

²³ ФА СПбГУ, DТхт10-20_Vol-Kir_06-07-13

деленного возраста, там, до года или докуда ли, знашь.
Нельзя было. Никому не показывай, никому ничего, там²¹.

Особое внимание в рассказах об оприкосах придается междометию «ой!» (запрету ойкать), существует также глагол «обойкать», синоним глаголов «сглазить», «оприкосить»:

...ойкать: «ой, ой, ой». Это слово считается плохим. Я это не от одной бабульки слышала, что если ойкаешь — ой, ой, ой, ой! — какое-то недобро её несет, что именно — не говорит, не объясняет.

<То есть когда говорят: «Ой, детки, ой!» — это нехорошо?> Считается, что нехорошо. Например, я это от нескольких слышала. От Александры Алексеевны, от своей другой бабушки — Евдокии Петровны. Хотя она очень любила ойкать, тем не менее всегда говорила, что слово плохое. И вот от кого-то еще, где-то, несколько раз доводилось это слышать²².

Междометие «ой!» (выражение удивления) служит маркером неожиданной похвалы, оно устойчиво организует прямую речь «агрессора». В рассказе об оприкосе мы легко опознаем такую речь:

И озык вот это что, ну вот посмотрят, придут, что надо младенца посмотреть. Кто-то поахает, поахает: «Ой, какой, — говорит, — там всё». А после этих посещений ребёнок начинает себя плохо чувствовать, как бы нервничает, беспокоится что-то, что озычали его²³.

Чем более мы задумывались над тем, что небезопасно для деревенского ребенка, тем непонятнее становилось, каким образом родители тут общаются со своими маленькими детьми. Хвалить их нельзя, ойкать нельзя и просто смотреть на них нельзя. Посторонним лучше детей не показывать, да и сама мать может навредить ребенку, порадовавшись тому, что он хорош. Пришлось расспрашивать местных жителей о том, как общаться с ребенком, чтобы его не оприкосить. Нам было предложено несколько верных способов «защиты»

взрослых от нечаянного нанесения вреда детям и «защиты» детей от желающих с ними пообщаться взрослых.

Первый состоит в следующем. Перед тем как зайти к ребенку, следует взять щепку или спичку в рот, чтобы случайно не сглазить:

Потом стала ругаться на него, говорю: «Дак ты хоть к ребенку-то подходишь, возьми в рот чего-нибудь!»
<В рот надо что-то взять?>
Ну да, спичку или что-нибудь такое.
Да.
<Спичку? Почему спичку?>
Или что-нибудь такое. В рот взять.
<А еще что?>
Или щепинку какую-нибудь.
<Щепинку?>
Ну вот. После-то ничего, не жаловались. То жалуются и всё! «Вот Сашка посмотрел опять у меня парня!» <Смеется.>
<А он щепку-то берет, дак говорить-то можно все равно что?>
Дак говорить-то говори...
<Но щепочку-то не роняй, да?>
Не выпадет, не беспокойся²⁴.

Когда смотрят младенца, дак спичку ложат в рот²⁵.

Такая тактика предохранения от сглаза не требует никаких специальных слов и физических действий. Человек, который хочет подойти к ребенку,

²⁴ ФА СПбГУ, DTxt07-164_Arch-Mez_07-07-23

²⁵ ФА СПбГУ, DTxt 20-25_Arch-Mez_07-07-14

²⁶ Там же

²⁷ ФА СПбГУ, DTxt 20-28_Arch-Mez_07-07-19

должен защитить его от своей же возможной магической агрессии молчанием: сложно «ойкать» со спичкой во рту. Причем молчание это в прямом смысле очевидно. Входит в дом человек, молчит, во рту у него щепка — значит, обвинить его в сглазе будет затруднительно. Таким образом посетитель защищается от обвинения в оприкосе: с тех пор как муж стал подходить к детям со спичкой во рту, жене перестали жаловаться на его «оприкосливость». Видимо, угроза нанести неосознанный вред и быть в нем обвиненным столь невыносима, что проще самому заранее признать, что ты на такое способен, и разговаривать со спичкой во рту.

Другой вариант нейтрализации собственной нечаянной магической агрессии — использование вербальной формулы «Чур черных, чур белых, чур своих, чур чужих, чур меня и есть» в сочетании с плеванием. «Очуривание» вслух самого себя также должно обезопасить и от вреда, и от будущего обвинения в сглазе.

И всё время надо говорить: «Чур чёрных, чур белых, чур своих, чур чужих, чур меня и есть» <сплёвывает три раза> в лицо²⁶. (Собеседница говорит эти слова тихо и быстрее обычного.)

Мне раньше мама всё говорила, ведь иногда и скажешь ребёнку: «Ой ты, хорошенькой какой, какой ты у меня любимый и всё». Дак она всё говорила, ой, всё приговаривала: «Чур чёрных, чур белых, чур своих, чур чужих, чур меня есть». Вот. Чур чёрных, чур белых, чур своих, и чур чужих, и чур меня есть. И саму себя как очуливаешь. Вот. И всё²⁷.

Первый и второй способы — варианты самоконтроля и защиты себя от обвинений во вредоносности. Последующие представляют собой варианты защиты от уже распознанной агрессии. Эти действия совершают не потенциальные исполнители сглаза, но те, кто определяет ситуацию как вредоносную.

При непосредственной угрозе оприкоса (похвале, ойканье, подозрительном смотре и думе) защитнику нужно постучать костяшками пальцев друг об друга и сказать: «Тьфу тебя» или зачурить ребенка и помыть его.

Я вот говорю, вот вам встретится там: «О, какая ты хорошая, красивая» — ты так <стучит костяшками> — «Тьфу

²⁸ ФА СПбГУ, DTxt07-151_Arch-Mez_07-07-08

²⁹ ФА СПбГУ, DTxt07-055_Arch-Mez_07-07-16

³⁰ Там же

³¹ ФА СПбГУ, DTxt07-043_Arch-Mez_07-07-26

тебя», — скажи. И вот так кулачками постучи. Это я тебе как пинежская бабка говорю.
<Все, будем теперь знать.>
И булавки везде налепите²⁸.

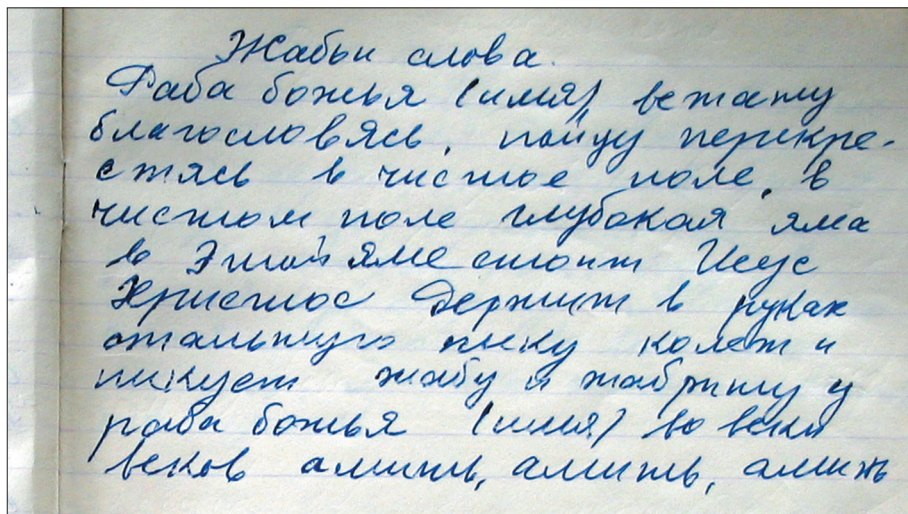
Обычно когда на народ маленького ребёнка выводят (вот, в людное место куда-нибудь), чтоб не одумали, ничего не сказали — мне вот тоже Фезя тогда говорила, — что «чур чёрных, чур белых, чур своих, чур чужих, чего-то там... косому, лихому три соломины в глаз», чего-то такое. Три раза надо помыть и не вытирать потом ребёнка²⁹.

Ответственный за «спокойствие» ребенка может нейтрализовать опасность нелегитимной похвалы и более радикальным способом:

У нас тут бабушка есть, которая вот тоже Игорь маленький был, хорошенький такой был, вот даже мимо — она в огороде ползает — пройдем, я приду домой, он у меня сразу у порога падал, у него началась истерика. И вот мне кто-то сказал: «Идешь мимо, фигу в карман положи и скажи: «Жаба тебе в рот, жаба тебе в рот». Эта бабуська пришла ко мне на телефон, здесь сидит это. А Игорь-то спал. А он потом в одной футболке, даже без трусов, маленький ещё был, он выбежал это и сразу воду пить или на горшок, или куда

22 Заговор «Жабы слова».

Из тетради Татьяны Федоровны Бухаловой. Фото И. Веселовой.
Июль 2004 г. Деревня Харбово Вашкинского района Вологодской области

22

побежал. А я и внимания не обращаю. А она потом сидела так со мной, говорила, говорила, потом: «Ой, Игорёчек какой большой стал». Я так раз фигу и сразу же: «Жаба тебе в рот, жаба тебе в рот». И она как у меня закашляла. Она кашляет и слова не может сказать³⁰.

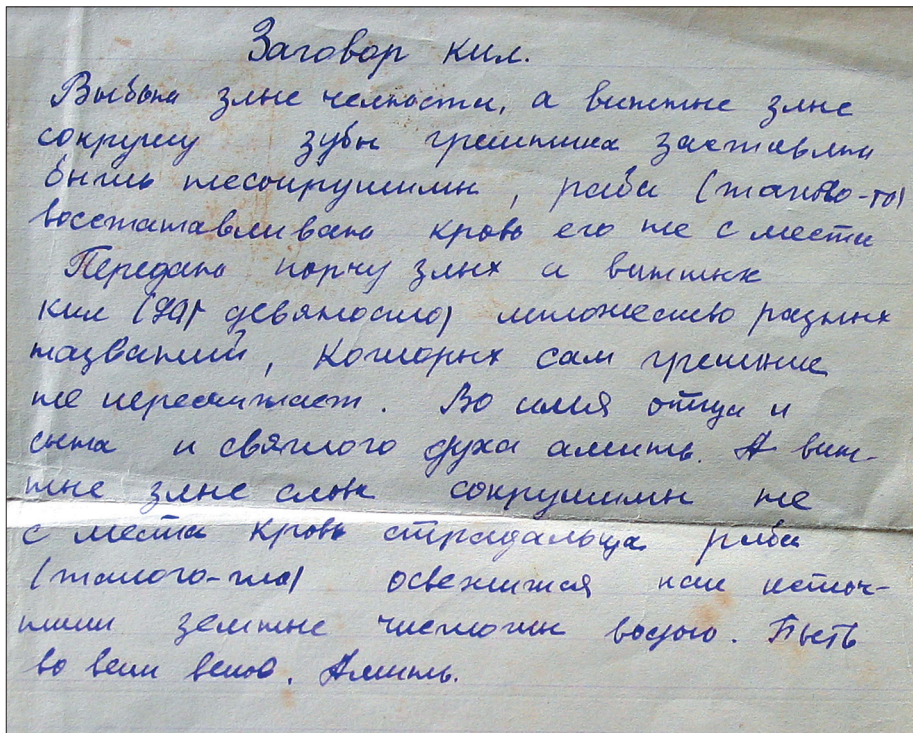
В соответствии с этой тактикой защиты ответственному за ребенка нужно совершить одновременно два действия: вербальное — произнести про себя три раза «жаба тебе в рот» и невербальное — изобразить пальцами фигу, держа руку в кармане. Если чайный/нечаянный агрессор не предпринимает нейтрализующих его агрессию мер (первые два варианта), то оприкос в результате ответных мер «защитника» возвращается к хвалящему. Мало того что агрессор оперативно распознается — действия по его нейтрализации становятся своеобразной карательной акцией.

Да, «жаба тебе в рот». Это значит, возвращаются.

<Это значит, возвращается к ней?>

Да, да. Как бы слова вернулись назад³¹.

23 «Заговор кил».

Из тетради Татьяны Федоровны
Бухаловой. Фото И. Веселовой.
Июль 2004 г. Деревня
Харбово Вашкинского района
Вологодской области

Во всех случаях речь идет преимущественно о противодействиях агрессии, прочитываемой через поведение ее исполнителя. Мы не встретили рассказов о распознавании вредоносного «одумывания», но от вредоносного взгляда как от еще одной формы невербальной агрессии спасают всем известные апотропеи: булавки и сажа за ухом. Развернутая система магической «ПВО» выявляет случаи оприкоса и активирует систему защиты: вербальными формулами и специфическими жестами (стуком, плеванием, фигами). При этом оприкос не является последствием действия неких духов,

сверхъестественных сил, про них не было ни одного упоминания. Нападение под силу обычному человеку, и защищаются от человеческих взглядов, мыслей и похвалы.

Применение магических защитных действий по большей части очевидно агрессору. При общении тебе «незаметно» суют фиги, поплеывают в твою сторону, шепчут, изменив голос, теребят в руках булавки и т. д. Ощущение полной победы над «вредителем» приносит защитнику особое удовлетворение: «И она как у меня закашляла. Она кашляет и слова не может сказать». Нам как-то рассказали, что можно прийти в дом к тому, кто сглазил, взять у него ботинок и потом сжечь его, чтобы снять порчу. Но в основном собеседники считали, что с агрессором ничего такого делать не нужно. Если только брать в расчет распространение информации о ее/его вредности или «незаметного», но в лицо произнесенного «жаба тебе в рот», отчего сложно не закашляться.

В результате описания конвенции оприкоса получилась, на наш взгляд, не лишняя абсурдности картина социальных взаимодействий. Объектом нападения считается ребенок (он теряет спокойствие, плачет и ползает). Оприкос вызывают ментальные и речевые действия: молчание-одумывание, смотрение, похвала. Совершить подобное преступление — восхищение — может кто угодно, включая близких родственников. Но особенно подозрительны инородцы с карими глазами и задумчивые посетители.

Успешной защитой от оприкоса служит нанесение «агрессору» прямого убытка — от сжигания его ботинка до ущерба его репутации. Сомнительность улик, открытость в предъявлении подозрений и явное удовольствие от мести заставляют задуматься над следующими вопросами. Что заставляет наших собеседников квалифицировать простой физический недуг или случайность как оприкос или сглаз, то есть следствие магической агрессии, при том что «нечаянные» агрессоры зла не желают, они просто выражают свое восхищение? Как можно исключить думание, смотрение, говорение, направленное на детей, и оградить их от контакта не только с посторонними, но и с близкими родственниками, думающими о детях хорошо, смотрящими с одобрением и хвалящими? Все-таки сложно представить себе ситуацию, что детей вообще никогда не хвалят, то есть не оценивают положительно.

Оказывается, что особенно опасна та похвала, которая выделяет данного ребенка в сравнении с другими детьми (быстрее других растет, самый спокойный, самый красивый и др.):

То есть даже мама сглазить может. Вот похвалит его, скажет: «Ой, какой хороший, красивый» — а он возьмет и заболает³².

А я и внимания не обращаю. А она потом сидела так со мной, говорила, говорила, потом: «Ой, Игорёчек какой большой стал»³³.

И обычно, вот когда, вот просто подумаешь случайно, что «Ой, какой там, это, ты у меня никогда не плачешь, ничего»³⁴.

Ребенка выделяют за внешние качества из ряда прочих. Если его хвалят посторонние, то выделяют из ряда других деревенских детей. Если его хвалит сама мать, то, по сути, она хвалится ребенком.

Как? «Ой, надо же, у тебя как всё хорошо!» Как будто лучше людей или как ли³⁵.

Опасность такого выделения из общего уровня описана Джоржем Фостером через известный «образ ограниченного блага»³⁶. По его идее, в когнитивной основе крестьян всего мира лежит образ ограниченных, конечных ресурсов материальных и символических благ. Следовательно, переизбыток блага у одного человека влечет за собой нехватку его у другого. Имеющий лучшее узурпирует блага остальных.

Теперь обратим внимание на самых незаметных, но, по нашему мнению, главных дви-

³² ФА СПбГУ, DТхт07-164_Arch-Mez_07-07-23

³³ ФА СПбГУ, DТхт07-055_Arch-Mez_07-07-16

³⁴ ФА СПбГУ, DТхт 20-25_Arch-Mez_07-07-14

³⁵ ФА СПбГУ, DТхт20a-38_Vol-Kad_03-07-18

³⁶ *George M. Foster Peasant Society and the Image of Limited Good in American Anthropologist*. 1965. Vol 67. Iss. 2. April. P. 293–315

³⁷ ФА СПбГУ, DТхт10-20_Vol_Kir_06-07-13

жущих лиц оприкоса — рассказчиков-толкователей. Почти все охотно обсуждавшие с нами эту тему — матери, у которых есть дети, и бабушки, у которых есть внуки. Получается, что в речевую компетенцию определенной социальной страты — деревенских матерей — входят матрица подобной практики и конвенции рассказывания. По рассказам матерей, главным пострадавшим является ребенок. Именно он в центре агрессии, на него она направлена. Как уже было отмечено несколько раз, оприкосить может «кто угодно». Но распознает факт оприкоса ребенка мать или бабушка, «диагностика» оприкоса является их компетенцией в этих рассказах. Матери учатся диагностировать сглаз от своих матерей и свекровок, а также от других старших женщин:

Всё раньше мама мне говорила, скажет, ребёнка сама можешь оприкосить.

Мне раньше мама всё говорила...

А опытные бабушки, так эти бабушки не разрешали вот так вот подходишь, што: «Ай! Ой!»

Наученная старшими мать, наблюдая в поведении своего ребенка беспокойство, соотносит его появление с посещением вредителя. Очевидно, что выбор вредителя не случаен. Он падает на того, кто находится под подозрением у матери или у старших женщин. Возможно, именно поэтому нет какого-то одного человека, который постоянно оприкашивает детей. В каждом случае этим человеком может быть тот, кого назначит вредителем та или иная мать и кто, по ее мнению, не просто хвалит, но, хваля, оприкашивает.

<А это от человека зависит, который говорит?>

Очень много зависит от человека. Есть такие злые языки...

Есть такие. В деревне всё равно человек-два найдётся, которого опасаться. Отойти лучше в сторону³⁷.

Здесь наши выводы относительно оприкосов в севернорусской деревне совпадают с выводами антрополога М.В. Хаккарайнен, которые

она сделала в результате анализа локальных представлений о болезнях и лечении у чукчей: «...несмотря на то что объектом сглаза являются дети, само это представление является выражением отношений между взрослыми»³⁸.

Остается только охарактеризовать участников этих отношений. Анализ сценария оприкоса в севернорусской деревне показывает, что старшие женщины, толкуя ситуацию как сглаз, учат младших конвенциям страха. Освоение конкретной матрицы оприкоса обучает ответственности за ребенка через страх: отвечать — значит бояться за X вместо самого X. Взаимный страх и даже страх самого себя создает нормальное поле напряжения в социуме. Причем страх входит не столько во вражеские, конфликтные отношения, когда в пылу обиды или ссоры звучит прямая угроза: «Ты меня еще попомнишь». Страх включен в соседские, родственные, любовные отношения.

Страх — это сила, которая создает особые векторы в соседских и родственных связях, и тем самым — поле, которое отличается, в частности, от пространства христианства с его апостольским посланием: «В любви нет страха» (1 Ин. 4: 18). Драматизм ситуации определен тем, что традиция толкований воспитывает и поддерживает страх одобрения: нельзя думать о своем как о лучшем, нельзя говорить о чужом как о лучшем.

Представление об оприкосе эффективно работает в социальном пространстве деревни, служа мощным регулятором поведения:

- создает посредством эмоции страха формат ответственности (старшая

³⁸ *Хаккарайнен М.В.* Локальные представления о болезнях и лечении (поселок Марково, Чукотка). Дис. на соиск. зван. канд. ист. наук. СПб, 2005. С. 79

женщина отвечает за младшую и ее ребенка, мать — за ребенка, каждый — за отвод подозрений в собственной вредности, каждый взрослый — за свою магическую безопасность);

- устанавливает отношения и иерархии (свекровь, мать, ребенок, советчик, вредитель);
- делает открытыми конфликтные зоны (через шаблон «предъявления претензий» в актах магической защиты);
- предлагает особый механизм работы со страхом: его проекцию вовне — на «вредителя».

Чувство ответственности за чад, в основе которого лежит страх, подозрение в том, что одобрение несет в себе угрозу, определяют сценарии женского, и в особенности материнского поведения, которые достались нам в наследство от крестьянской России. Знание шаблонов магической агрессии форматирует социальные отношения, в коих чужая похвала, как и похвала самому себе, представляет угрозу личной безопасности.

Город не унаследовал способов символической экспликации конфликта. По «деревенской логике» чистого сердца быть не может. Никто не задумывается о «гигиене» органов чувств. Об искренности или неискренности, о намерениях и чувствах здесь речь не идет. Навредить ребенку и самому себе в «деревенском» типе магической обороны может даже самый близкий и родной человек. А значит, там нет пути к отступлению: необходимо предъявить свои подозрения или сомнение в правильности собственных дум в виде явных символических действий: жаба тебе в рот или чур, мои мысли.

По «городской» логике для распознавания магических агрессоров главное — выявить намерение, с которым было осуществлено одобряющее действие. Но приписывание своему контрагенту намерений — это тоже форма толкования действий. В соответствии с современной российской логикой толкования намерения «родных и близких» по отношению к ребенку, да и ко взрослому родственнику, чисты. Кровные родственники по сложившимся в городе представлениям не могут нанести вред, пусть даже магический. Кровное родство накладывает табу на магические подозрения, а значит, шлюз реки похвал в отношении детей в городском пространстве открыт. Зато эта река загрязнена

непредъявленными претензиями между старшими, неразрешенными психологическими конфликтами и неназванными напряжениями.

Деревенская культура не задумывается над намерениями хвалящего, любое восхищение и похвала вредоносны. Хвалящий всегда находится под подозрением в «оприкосливости» у социума и даже у самого себя. Контроль уровня «оприкосливости» — сложное социальное устройство. Условные агрессоры и защитники обмениваются жестами распознавания угрозы и демонстрации защиты, распознавания защиты и демонстрации благонадежности. В городской культуре магические враги выявляются по маркерам «неискренности» — тоже необъективным и спекулятивным. Скрытым от глаз механизмом городской зависти и порчи служит проектор собственного лицемерия и неискренности. Пожалуй, не сразу ответишь, что лучше — «деревенское» открытое поле магической вражды или «городское» проецирование на других своей тщательно скрываемой «неискренности»?

Представления о сглазе/оприкосе формируют внешний локус контроля. Понятие «локус контроля»³⁹ было введено американским психологом Д. Роттером. «Локус контроля» — это та позиция, которой индивид делегирует право на оценку и ответственность за происходящее с ним. И позиция эта может располагаться вне личной ответственности — быть внешней или внутри личности — тогда быть внутренней. Мифология «сглаза» отдает ответственность за собственные неприятности и беспокойства (а также неприятности подопечных) внешним факторам — воздействию магических агрессо-

³⁹ Rotter J.B.
Social learning and clinical psychology.
New York, 1954

ров. Переместив «локус контроля» внутрь себя, можно существенно понизить уровень страха/тревоги в отношениях и тем самым вернуть миру доброжелательность.